

В комнате царила настолько неловкая тишина, что Нин Си готов был сквозь землю провалиться.

Сун Ицзэ стоял у дверей, засунув руки в карманы. И хотя густой, сдержанно-свежий аромат черного дерева он сдерживал из последних сил, в его светлых глазах застыл ледяной упрек.

Нин Си поспешно свернул окно с видеолекцией по высшей математике и, с запинкой глядя на Сун Ицзэ, выдавил:

— Я... на самом деле я хожу во сне.

Сун Ицзэ: «...»

Нин Си: «...»

Заметив, как лицо Сун Ицзэ потемнело ещё сильнее, Нин Си перепугался до смерти. Он тут же подскочил к нему, вцепился в его ладонь и запричитал:

— Ицзэ, я виноват, правда! Я не специально, я давным-давно хотел...

Выражение лица Сун Ицзэ ничуть не смягчилось. Он хотел услышать объяснения, но в то же время ему больно было их слушать, поэтому он просто отвернулся.

Нин Си попытался заглянуть ему в лицо, но тот снова отвернулся.

— Ицзэ... — протянул Нин Си, канюча и подёргивая его за рукав.

Никакой реакции.

— Ну милый, — он прижался к нему и пробормотал совсем ласково: — Не сердись, а?

Сун Ицзэ продолжал хранить молчание.

Отчаявшись, Нин Си обвивает руками его шею, касаясь губами ушной раковины:

— Братец...~

Сун Ицзэ едва заметно вздрогнул. Его уши мгновенно вспыхнули пунцовым, зрачки расширились, и он резко повернул голову к Нин Си.

Заметив, что это сработало, Нин Си чуть прищурился, изогнул губы в лукавой, небрежной ухмылке — его глаза, и без того обаятельные, засияли соблазнительным огоньком. Прильнув к самому уху Ицзэ, он прошептал:

— Муж...~

Урон оказался сокрушительным. Сун Ицзэ буквально застыл на месте.

Поняв, что появился шанс разговаривать с ним, Нин Си подался ещё ближе, касаясь кончиком носа его носа. Расстояние сократилось до предела, дыхание обожгло кожу:

— Муж, я виноват... Ну обрати на меня внимание, а?

Но Сун Ицзэ почему-то опять оцепенел.

Нин Си недоуменно нахмурился:

— Ну же, милый...

И тут он заметил Ху Янца, который стоял в дверях с чайником в руках и с живейшим интересом наблюдал за этой картиной.

«Черт...» — обожгла мысль.

Нин Си мгновенно отпрянул от Сун Ицзэ, вспыхнув до корней волос.

Ху Яндай поспешно прикрыл дверь со словами:

— Вы продолжайте, я снаружи подожду.

Глядя на закрывшуюся дверь, а затем на застывшего перед ним Сун Ицзэ, Нин Си тяжело вздохнул и тихо выговорил:

— Прости.

Он хотел объяснить всё, но абсолютно не знал, с чего начать:

— Я правда... Понимаю, это звучит глупо и дико, но я не хотел тебя обманывать. У меня есть причины... просто я не знаю, как их объяснить...

В комнате снова воцарилась гнетущая тишина. В сумерках светила только настольная лампа, и это молчание становилось пугающим.

— Нин Си, мне не нужны твои извинения, — ровным, безэмоциональным голосом произнес Сун Ицзэ, будто тихий ветер пролетел над застывшей гладью воды. — Я просто чувствую себя дураком. Будто мной с самого начала крутили как хотели. Я ведь ужасно переживал за тебя — за твои оценки, за твоё здоровье. Мечтал, чтобы ты подтянулся, поступил в нормальный университет... Часами сидел над конспектами, разжевывал тебе каждую тему простыми словами. А оказывается, ты и сам отлично со всем справляешься. Ты даже... даже высшую математику уже разбираешь! Тебе не нужны мои тетради. И моя помощь не нужна.

Он изо всех сил пытался построить их общее будущее, отдавал всё, что мог, защищал... А в итоге выяснилось, что Нин Си в этом ни капли не нуждался. Он мог всё сам, но притворялся беспомощным. В такой ситуации Сун Ицзэ действительно ощущал себя полнейшим идиотом.

— Ты говоришь, что хочешь всё объяснить, но не можешь. Вот только сейчас ты не сможешь просто подлизаться или свести всё в шутку.

«Ты спокойно укладываешь толпу Альф на лопатки, а рядом со мной корчишь из себя неженку. Ты щелкаешь высшую математику как орешки, но намеренно получаешь паршивые баллы. Что всё это значит? Зачем тебе эта маска? С какой целью ты вообще ко мне подступился?»

Сун Ицзэ старался говорить сдержанно, но хрипота в его обычно холодном голосе выдавала боль с головой:

— Мне кажется... всё это фальшь.

Нин Си замер, не в силах вымолвить ни слова.

В глазах Сун Ицзэ мелькнула редкая, глубокая печаль. Мысли в его голове путались, а голос прозвучал с детской, затаенной обидой:

— Нин Си... А ты вообще меня любишь?

Тишина стала звенящей. Нин Си казалось, что он оглох.

Эти слова огненным клеймом отпечатались в сознании, парализуя нервы и выбивая почву из-под ног.

«Нет... Нет! Я правда люблю тебя! Но...»

— Ицзэ... — Нин Си сделал шаг вперед, потянувшись к его руке, но так и не решился

коснуться.

Он правда не знал, что сказать.

Ведь в самом начале он действительно подошел к нему с умыслом. Он действительно хотел его использовать.

Но какой нормальный человек поверит в историю о попадании в роман и необходимости держаться за главного героя? Кроме этого абсурда, никаких иных оправданий у него не было.

Взгляд Сун Ицзэ окончательно потускнел. Он давал ему шанс. Он дал ему время.

Но Нин Си просто молчал.

Сун Ицзэ почувствовал себя ничтожным. Настоящим обманутым дураком.

В этот момент в его кармане завибрировал телефон.

Он достал его и прочитал сообщение от Чжан Циана:

[Чжан Циан: Бог Цзэ, вы там долго ещё? Хватит нежностей, надзиратель идет с проверкой!]

[Чжан Циан: Спускайся скорее, я на стрёме. Успеешь вернуться!]

— Забудь, — сухо бросил Сун Ицзэ. В его голосе больше не осталось эмоций. — Я уйду.

Он повернулся и распахнул дверь. Снаружи всё так же стоял Ху Янцай с чайником и учебником.

Ху Янцай уже собирался уступить дорогу, но Сун Ицзэ, даже не глянув на него, протянул ему увесистый пакет:

— Передай Нин Си. Хотя... возможно, ему это больше не нужно.

Он сбежал из тренировочного лагеря, взял билет на ночной скоростной поезд — и всё только ради того, чтобы увидеть парня, по которому скучал столько дней.

А парень преподнес ему сюрприз.

Слишком грандиозный сюрприз.

Настолько, что сердце разрывалось от боли.

— А... Хорошо, — закивал Ху Янцай.

Проведя взглядом уходящую фигуру Сун Ицзэ, он заглянул в пакет.

Тот был доверху забит учебными пособиями и конспектами.

Нин Си внутри комнаты застыл, точно истукан.

Всё кончено. На этот раз — действительно всё.

Сун Ицзэ разгневан по-настоящему.

Ху Янцай вошел и запер дверь. Ощувив гнетущую атмосферу, он осторожно спросил:

— Нин Си, что произошло? Бог Цзэ ведь должен быть на сборах... Он что, специально приехал проведать тебя? Почему же он так быстро ушел?

Он протянул пакет Нин Си:

— Вот, он просил передать. Странно, почему сам не отдал?

Нин Си взял пакет и наугад вытащил одну из тетрадей. Почти на каждой странице ровным почерком были выведены аккуратные, до мелочей расписанные пояснения.

Откуда у Сун Ицзэ нашлось время?..

Сердце Нин Си сжала невыносимая боль.

Тот разрывался на олимпиадных сборах, валился с ног от усталости, но всё равно помчался к нему, да ещё и составил разборы его ошибок...

Какая же глупость! Какой кошмар!

— Что же мне делать... — Глаза Нин Си налились влагой, а голос сорвался на беспомощный хрип. — Я опять всё испортил... Голову бы мне оторвать, что теперь делать?..

Ху Янцай опешил:

— Эй, Нин Си, ты чего? Ты что, плачешь?!

— Ничего я не плачу! — Нин Си потер нос, с трудом сдерживая эмоциональный порыв. — Просто... Я так боюсь, Янцай. Я не должен был так поступать. Надо было сразу всё сказать, тогда ничего бы не случилось!

При одной мысли о Сун Ицзэ его охватывала паника:

— А вдруг... вдруг он бросит меня?!

— Да вы что, поссорились? — поспешил успокоить его Ху Янцай. — Как Бог Цзэ может тебя бросить? Он же без ума от тебя!

— Вот именно потому, что он без ума от меня! — всхлипнул Нин Си. — А я нагло дурачил его всё это время... Заслуживаю я вообще после этого его любви?

— Ну-ну-ну, не накручивай себя так! — Ху Янцай забеспокоился еще сильнее, видя, что у Нин Си вот-вот слезы потекут градом. — Если обманул — так признайся и всё объясни!

Нин Си сжал губы. Говорить он больше не мог — голос окончательно и предательски пропал.

— Ладно, всё, давай не будем об этом, — Ху Янцай бережно довел Нин Си до кровати. — Ложись спать. Утро вечера мудрее, завтра во всем разберешься, идет?

Нин Си, чьи мысли превратились в кашу, послушно позволил уложить себя и укрыть одеялом.

На следующее утро, когда часы показали шесть пятнадцать, Ху Янцай вернулся из умывальной комнаты и ахнул, увидав Нин Си, всё так же лежащего пластом:

— Святыни! Нин Си, вставай, на уроки опоздаем!

— Я никуда не пойду, — глухо отозвался Нин Си из-под одеяла. — У меня рушится личная жизнь.

— Да с чего ты взял, что она рушится? — вздохнул Ху Янцай. — И вообще, разве можно прогуливать учебу из-за любовных терзаний? Не превращайся в любовного фанатика!

Нин Си, чувствуя себя абсолютно несчастным, сполз с кровати и подошел к раковине. Ополоснув лицо ледяной водой, он немного пришел в себя.

Что же делать? Как поступить?

Ху Янцай, собирая рюкзак, заметил его застывшую фигуру и произнес:

— Знаешь, я всё-таки считаю, что самое главное — поговорить начистоту. Хватит бегать от проблемы. Соберись с духом и встретись с ним лицом к лицу.

Нин Си вздрогнул.

Собраться с духом...

Точно. Нельзя быть трусом.

Он вспомнил прошлые слова Сун Ицзэ: «Поласкайся ко мне, успокой...» Сейчас ему больше всего нужно именно это.

Пока Ху Янцай копошился в комнате, с балкона донесся грохот. В следующее мгновение Нин Си влетел в спальню и принялся с бешеной скоростью скидывать вещи в рюкзак.

— Нин Си, ты что удумал? — опешил Ху Янцай.

Нин Си уже полностью взял себя в руки. Застегнув молнию на сумке, он посмотрел на товарища твердым взглядом и чеканно выдохнул:

— Я еду к Сун Ицзэ.

<http://bllate.org/book/20373/2365690>